

Возвращение

Рассказы, очерки, миниатюры

Эльза Хибалова

16+

Эльза Хибалова

Возвращение. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хибалова Э.

Возвращение. Сборник рассказов / Э. Хибалова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда картина стоит сотни миллионов и не совсем очевидна ее ценность, возникает резонный вопрос: что хотел сказать художник? Какой смысл он заложил в свое творение? Миллионеры – люди практичные и, приобретая такую картину, знают, за что отдают 250 миллионов долларов. Чтобы создать подобное, художник должен полностью отрешиться от себя, от мира, войти в запредельное пространство и выкрасть оттуда все краски и линии для своего полотна. Вечного полотна, потому как он запечатлевает Вечность. Ну и здоровенный кусок собственной души в придачу. Миллионер приобретает его душу. Вечную душу! За сущие пустяки!

© Хибалова Э., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Возвращение

Я слишком долго готовился к этой поездке, чтобы теперь начать сожалеть. Позади было много лет запросов, переписок, консультаций, тестов, экзаменов, отказов, дополнительных тестов, бюрократических проволочек, медкомиссий и ожиданий. И когда я, наконец, получил утвердительное письмо на свой запрос, я был весь выпотрошен и выжат. У меня даже не оставалось никаких эмоций. И это было слишком неожиданно. Если вначале я и добивался этой вакансии по определенным причинам, то впоследствии причина была как-то затушевана и забыта, и я продолжал добиваться своего чисто по инерции. Так что, когда пришло приглашение, я совсем не был к этому готов.

Мне пришлось спешно одалживаться у моих немногочисленных приятелей, закупать все необходимое для сурового климата севера. Книжек я прочел предостаточно про выживание в условиях низких температур. Конечно, организация оплачивала часть моего пути, мое проживание, экипировку и снаряжение. Но я-то ведь не собирался долго засиживаться на станции. Мне пришлось прилично потратиться на дополнительную термоодежду. Что-то я купил в интернете, что-то сделали по моему заказу. Взял несколько девайсов на солнечных батареях, спутниковый передатчик, космическое питание в тюбиках, сухпайки.

И вот теперь я стоял посреди безжизненной, бескрайней снежной пустыни как дурак, жертва Марвел, из-за своих фантазий потерявший связь с реальностью. Все свои ресурсы я израсходовал, чтобы добраться до этой географической точки, которая много лет настойчиво манила меня. Что я ожидал здесь увидеть? Вход в другие миры? Эльдorado? Сильно беспокоивший и возбуждавший нездоровые мысли подозрительный бугорок на карте оказался лишь небольшой ледяной пещерой, которая как раз подходила под мой персональный склеп. А-ха-ха-ха! Так вот в чем была моя миссия! Много лет провести в подготовке к своей собственной одинокой смерти в пещере Антарктиды и превратиться в заколоченный до глобального потепления труп.

С чего вообще все это началось, чтобы такой, как я, простой парень, механик на СТО, вдруг смертельно заинтересовался темой Антарктиды? Начитался ли я комиксов Марвел или посмотрел голливудских блокбастеров, но при первом же упоминании в каких-то новостях о какой-то станции в вечной мерзлоте Антарктиды мне и втемяшилась в голову идея о некоем секрете Антарктиды. Что за секрет и почему для меня так жизненно важно попасть в это суровое гиблое место, я и себе до сих пор не могу объяснить. Втемяшилось, и все! Словно какая-то неодолимая сила внутри привлекала мое внимание к этой теме и волокла, и волокла к какой-то цели.

Ну, а что я! Я в этой матрице, в какой носятся все окружающие, еще не увяз. У меня нет никаких карьерных амбиций, жены и сопливых детей, ради коих я должен горбиться непрерывно, тоже нет, и друзьями собутыльниками не могу похвастаться. Я бы и рад запиться, да организм, зараза, не выносит алкоголь, и поэтому с приятелями у нас нет совершенно никакого взаимного интереса. Так уж получилось – я оказался волен делать все, что взбредет в мою голову. И не было никого рядом, чтобы отговорить от этой дурацкой, бредовой, как теперь я понимаю, затеи. Едва я сообщил, что собираюсь по контракту механиком в Антарктиду, друзья лишь восторженно взвыли: «О, денег заработаешь!» И сразу же стали интересоваться моим предстоящим заработком и условиями труда. Деньги, конечно, немалые, но не настолько, чтобы год провести в ограниченном пространстве, близком к суровым условиям космической станции, с определенным количеством людей, с которыми ты должен будешь сосуществовать продолжительное время. Окружающие меня люди, конечно же, думали, что я еду за заработком. А из-за чего еще можно отправиться на этот гиблый край земли? Плохо, что не оказалось рядом близкого друга, кому бы я признался в своих истинных намерениях и истинных причи-

нах своего стремления в Антарктиду. Возможно, он бы отговорил, отрезвил, отвлек от этой сумасбродной затеи.

Но дело уже сделано, не причитать же мне теперь, в конце концов. Назад пути нет. Топливо на снегоходе, который я самовольно позаимствовал у сотрудника станции, закончилось. Удивительно уже то, что я вообще смог сюда на нем добраться в 60-градусный мороз. Я потихоньку тырил дизтопливо в специальные морозостойкие емкости, пока работал на станции, и заготавливал себе на будущую поездку. Вообще-то я показал себя самым образцовым, коммуникабельным, приветливым парнем, в коем невозможно было заподозрить какие-то коварные намерения. Однако коварство все-таки произошло: я стырил снегоход, топливо и сбежал со станции. Наверное, уже обнаружили мою пропажу, вся станция, небось, на уши поднята и погоня за мной организована. Но к тому времени, когда они сюда доберутся – если доберутся – я превращусь в часть ледяного ландшафта, и можно будет разбивать меня на кусочки, чтоб не тащить целый труп. Ха-ха-ха, какой я остроумный, оказывается!

Ну что, великий путешественник. Вот то место, до которого ты столь отчаянно и самозабвенно добирался. Назад дороги нет. Все мосты за собой ты сжег напрочь. Давай уже наслаждайся оставшимися часами жизни. Странно. У меня нет ни сожаления, ни истерики по поводу скоротечности моей жизни. Обидно только, что ничего не нашел, что все мои домыслы оказалась просто напросто выдумкой беззаботного парня, каким был я когда-то. Ну, в принципе, и теперь-то особо забот у меня никаких нет. Буду доедать оставшийся сухпак в своем последнем прибежище, пока батарейки в термобелье окончательно не сядут. Спутниковая связь уже давно не работает, говорить мне не с кем. Это была авантюрная идея с самого начала. Авантюрист хренов, не скули теперь.

Я вышел из пещеры, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть, и кроме бескрайней снежной равнины ничего не увидел. И та скоро скроется под наступающими сумерками, а затем и непроглядной тьмой. Под моим термобельем сотовый полон зарядки, так что какое-то время смогу занять себя просмотром записей, которые я сделал заблаговременно. Я перетащил с уже бесполезного снегохода все вещи в пещеру, соорудил что-то наподобие ложа, зажег небольшой костер из спиртовой смеси, снял меховые рукавицы и погрел руки в шерстяных перчатках. «Сверхустойчивые наушники» при попытке размотать провод треснули с сухим щелчком, я выбросил их и прислонился к ледяной стене пещеры.

Нет, все-таки идея об Антарктиде не пришла ко мне на ровном месте. Она зрела во мне исподволь – тайно, незаметно, коварно, делая пресным окружающий мир, не позволяя втянуться в матрицу реальности, не позволяя ни с кем сблизиться достаточно близко, чтобы я мог выкинуть эти фантазии из своей головы. Она ревностно охраняла меня от множества посягательств жизненных сценариев, делала все, чтобы направить в одну узкую колею таинственного замысла, жесткими шлепками отбивая всякую охоту поучаствовать в обычной простой жизни. Она берегла меня для себя. И вот заполучила всего, какого есть, с потрохами. Со всеми недостатками и пороками, со всем хорошим и плохим, с надеждами и планами. С самыми бредовыми фантазиями. Со всеми моими ангелами и демонами.

Что ж, не такая уж и плохая смерть – замерзнуть во сне. Когда закончатся мои припасы и сядут батарейки, я просто замерзну. Говорят, человек засыпает при этом. Не плохо. Быстрая безболезненная смерть вместо мучительной и долгой, после продолжительной борьбы с каким-нибудь раком, дряхлым, немощным, разрушенным и ни фига не соображающим – совсем не плохо. Должно быть, я уснул, потому что не заметил, как мой костерок погас, и наступила непроглядная темень. Я полез в рюкзак за сухим спиртом, и вдруг какой-то звук привлек мое внимание – тихий, тихий гул, ритмичный, с паузами. Я замер и прислушался. Гул продолжал нарастать. Потом что-то словно заскрипело. Черт! Этого еще не хватало! Я лихорадочно зашарил по карманам рюкзака и вытащил фонарик.

Гул раздавался совсем рядом, он был похож на перелив нескольких повторяющихся нот. Я вжался в ледяную подпорку и направил луч фонаря на гладкие стенки пещеры, пытаясь определить источник странных звуков. Потом почувствовав, что спина соскальзывает со своей опоры, я попробовал выпрямиться и провалился куда-то вниз в еще более непроглядную тьму, выронив от неожиданности фонарик. Привстав на четвереньки после падения, я зашарил по земле, надеясь нащупать фонарик, мне это не удалось, и тогда я поднялся. Первая паника прошла, и теперь глаза, привыкшие к темноте, различили большое замкнутое пространство. Глаза различили, а сам я ощутил, что нахожусь в просторном помещении. Какая-нибудь полость в заледеневших скалах? Но для случайной полости у нее был слишком ровный пол. Постой-ка, что это за едва уловимое мерцание там впереди?

Я осторожно и медленно зашагал по направлению к источнику смутного света. Пространство стало расширяться.

И вот я оказался у поражающей воображение картины: все пространство было заставлено ровными рядами продолговатых лож, похожих на открытые гробницы. Каждая гробница освещалась слабым мерцающим светом, который словно колпак накрывал необычное ложе в форме человеческого тела. Это было похоже на какое-то древнее захоронение без тел. Все ложа были разными и отличались не только дизайном, но и материалом. Где-то стояли ложа из резного дерева, где-то из металла, а где-то просматривались конструкции из горного хрусталя. Проходя мимо одного каменного ложа, я заметил вмурованные в небольшие выемки на поверхности пару сережек и перстень. Украшения были покрыты толстым слоем пыли.

Я слышан о ловушках, но что мне терять? Я осторожно вытащил перстень из каменной выемки и сдул с него пыль, которая вдруг рассыпалась вокруг меня мириадами золотистых светящихся искринок. Я рассматривал украшение с едва заметными гравированными узорами и символами, раздумывая, из какого же металла оно сделано, и вдруг услышал шорох у противоположной стены. Там зашевелилась какая-то тень. Темнота пещеры не позволяла мне хорошо различить, но тень была похожа на человеческую фигуру. Я шкурой, шестым чувством или чем там еще, ясно почувствовал, что тень поражена не меньше меня. Темная фигура отделилась от стены и стала приближаться ко мне, парализованному не страхом, нет, а изумлением, граничащим с паникой.

– Не бойся, я – Хранитель! – громовой голос гулко ударил по стенам и отразился в моих ушах.

Я вздрогнул. Но почему-то кровь не застыла в моих жилах и волосы не встали дыбом, словно где-то глубоко внутри себя я ожидал этой встречи. Мне почему-то стало все понятно. И пусть я не помнил ничего о древней жизни и древних временах, но для меня все было ясно. И у меня даже не было вопросов к Хранителю.

Я положил перстень на место и уверенно направился к ложу в дальнем ряду. Хранитель направился за мной. Я узнал свое ложе сразу, оно идеально мне подходило по всем параметрам – из цельного гранита, с вырезанными символами по краю подголовника, с выемками для рук, моего размера – и приветливо светилося голубоватым мерцанием. Когда я поднес к нему руку, то почувствовал легкое покалывание, которое щекотало и пронизывало насквозь.

Я начал расстегивать пуховик, но прежде взглянул на Хранителя. Темная накидка с капюшоном безмолвно говорила о долгих веках ожидания, о бесконечном терпении, об одиночестве и забвении, надежде и вере, о наступившем времени Пробуждения, и, наконец, полном удовлетворении от чувства исполненного долга.

Но вслух Хранитель сказал всего одно слово:

– С ВОЗВРАЩЕНИЕМ!

Выборочный тест

Мы с Кимом совершали плановый облет в режиме полувидимости, когда наш регистратор уловил одинокую точку в безлюдной местности на окраине маленького населенного пункта, где проживало около тысячи жителей. В общем-то, они не могли представлять для нас никакого научного интереса: слишком ограниченные, невежественные, без каких-либо задатков и особенностей. Просто был необходим очередной показатель среднестатистического жителя сельской глубинки.

Ким плавно и бесшумно опустил нас недалеко от точки, пульсирующей на топомониторе зеленым цветом, чтобы не спугнуть один объект и не привлечь ненужного внимания со стороны других. Наша тестируемая – пожилая женщина в сапогах и залатанном ватнике, пасла коз. Козы жадно и торопливо щипали молодую траву, безжалостно обрывали листву на кустарниках, а женщина с удовлетворением наблюдала за ними. Я направилась к ней.

Женщина заметила меня и, прищурившись, поднесла руку к глазам. Ее мозг лихорадочно перебирал варианты ответов на вопрос о том, кто я. В моем комбинезоне я скорее похожа на военнотрующую и поэтому, приблизившись, я просто произнесла:

– Здравия желаю!

Женщина, несколько растерявшись, дотронулась до своего лба и заправила выбившуюся седую прядь под лямный платок.

– Здравствуйте, – неуверенно протянула она.

Я просканировала ее. Простая бесхитростная женщина, много страдавшая и много пережившая. Ее аура приятно удивила – степень загрязненности была невероятно низкой, отчего не хотелось применять к ней привычные методы шокового воздействия и дезинформации.

– Вкусное, наверное, молоко у ваших коз?

Женщина облегченно вздохнула и улыбнулась, услышав обычный житейский вопрос.

– Вкусное. Но я бы лучше корову завела, а то с этими сладу нет.

– Не хотите пойти с нами? Увидите много интересного, это не займет много времени – около двух часов.

Женщина беспомощно хлопала глазами от неожиданного предложения. А я считывала все ее мысли, они были пронизаны страхом, суетой, тоской, болью и беспокойством.

– А как же козы мои? – наконец пролепетала она как-то обреченно, и на ее глаза навернулись слезы.

– Все будет хорошо, не беспокойтесь.

Я положила руку ей на плечо и почувствовала, как из кончиков пальцев моя энергия перетекает к ней. Женщина тут же выпрямилась, перестала ощущать беспокойство и пошла за мной. Она нерешительно взошла на челнок с поджидавшим нас Кимом, с любопытством озираясь по сторонам и рассматривая крайне необычный для нее летательный аппарат. Ким включил режим телепортации, и этот путь отложится в ее памяти как кратковременные провалы. Мы провели стандартную процедуру и показали ей несколько образцовых территорий, совершив посадку и позволяя ей пройти по местности. Она, конечно же, была в крайнем изумлении и восхищении.

Учетчики ждали нас в овальном зале. Должно быть, на них так же, как на меня подействовала чистота ее ауры, потому что обошлось без каверзных вопросов и без привычных провокационных тестов, ставящих в тупик и приводящих в замешательство любого тестируемого. Они отнеслись к ней более сострадательно, чем к другим, и не стали подшучивать над мучительными темами нужды, болезней и несправедливости.

Женщина стояла перед ними словно перед комиссией, вытянувшись, чувствуя, что ее изучают. Пожизненная привычка беспрекословно подчиняться вышестоящим не позволяла ей задать интересующие ее вопросы и удовлетворить свое любопытство.

– Ну, как вам у нас? – спросил главный учетчик.

– Очень красиво! – восторженно ответила женщина. – Да не то слово, просто рай! Я как в раю побывала!

– А как вы там у себя поживаете?

– Грех жаловаться. Только радости мало в жизни.

Женщина всхлипнула:

– Мужа вот недавно потеряла, сама болеть начала, тяжело мне живется очень. Да и не только мне одной. Кумовья-то мои недавно померли один за другим...

Учетчик не дал ей договорить:

– Мы все знаем, не переживайте. Несколько ваших уже побывали у нас.

Дальше они стали задавать ей стандартные вопросы, угостили энергетиком в виде пищи, напичканным наночипами.

А я в это время переговаривалась с главным.

– Ну, как тебе она?

– Любопытный экземпляр, только и всего.

– Только и всего?! Аура такой чистоты нам давно не попадалась!

– Это еще ничего не значит. Скорее всего, она просто не успела ее загрязнить.

– Но она столько страдала, столько горя перенесла, столько пережила.

– Сожалею. Понимаю твои чувства, мне бы тоже хотелось надеяться, что у нее есть потенциал. Но ты выдаешь желаемое за действительное. Этот объект не запятнал ауру только потому, что не было подходящих обстоятельств. Впрочем, скоро ты и сама убедишься в этом.

– Но ведь можно дать ей шанс? Она заслуживает сострадания.

– Конечно. Только, боюсь, состраданием тут не помочь. Она еще не созрела. Между привычным знакомым страданием и незнакомым новым миром она выберет страдание. Ее сознание не готово принять новое. Ты не можешь осчастливить ее против желания. Но попытаться ты можешь.

Мы высадили ее на той же самой поляне, откуда забирали. Козы оказались на месте, никуда не разбрелись и бросились к хозяйке, как только завидели ее.

Заметно оживившись и налившись румянцем, женщина горячо поблагодарила меня за полет, за угощение. В этот момент у меня и мелькнула мысль, что попытаться стоит.

– Мы с вами еще встретимся, – сказала я, – пусть у вас на земле будет так же красиво, как у нас!

Я понимала, какую ответственность беру на себя, поручаясь за эту женщину, если она пройдет процедуру отбора. Но это стоило того: нет ничего приятней, чем возвращать рай потерявшим его.

Через неделю мы с Кимом приземлились недалеко от ее дома. Стоял тихий вечер, поселок погрузился в созерцание телеящиков, и мы могли не опасаться нежелательных свидетелей.

Женщина была во дворе и вытряхивала пыль с одежды. Увидев меня, она прищурилась и немного отступила к своему крыльцу.

– Здравствуйте, – я встала перед ней. – Вот я и вернулась за вами, как обещала. Полетите с нами еще раз? Только в этот раз на три дня.

– На три дня? – удивленно переспросила женщина, сжимая в руках одежду. – А как же козы?

Я ничего не ответила и лишь пристально посмотрела ей в глаза.

– Да как же коз-то оставить без присмотра? – пробормотала женщина.

Внезапно в ее глазах загорелся злой огонек.

– Вот что... никуда я с вами не полечу! – поджав губы, ответила она резко.

Учетчик в очередной раз оказался прав. Какая ирония – между раем и козами она выбрала коз!

– Ну, что ж, не буду настаивать, всего доброго вам, – сказала я и направилась к челноку.

Драконы не люди

Худощавый смуглый спутник с изрезанным морщинами лицом, завернувшись в универсальный плащ цвета дорожной пыли, шел размеренным шагом по малолюдной протоптанной тропинке. Время от времени он останавливался, доставал дискообразный прибор размером с ладонь и внимательно всматривался в него. Пробормотав что-то невнятное обветренными иссохшими губами, он прятал медный диск назад в складки запылившегося плаща. Не смотря на весь его потрепанный и изношенный вид, ярко-синие глаза выдавали в нем жреца, лируанца, представителя древнейшей и могущественной когда-то расы, ушедшей ныне в забвение.

Неожиданно прямо перед ним возникли, словно высыпанные горошины, круглые и румяные беренята. Они окружили жреца, заливаясь тоненьким смехом, и стали шнырять под ногами.

– Пошли прочь, подземные отродья! – замахнулся на них путник своим высоким резным посохом.

Беренята галдели, не переставая.

– Злой колдун, злой колдун! Жабу съел, осмелел!

Жрец остановился и пронзил взглядом особо надоедливого берененка. Тот замер, как вкопанный. Увидев неподвижным своего братца, беренята в ужасе разбежались, а откуда-то из-под земли появился взрослый береник в войлочной шляпе и с седыми пышными усами.

– Э-эх! Не стыдно тебе с детьми тягаться!

Он обиженно покачал головой, дотронулся до застывшего берененка. Тот ожил. Захлопал глазами, приходя в себя, и заревел во весь свой писклявый голос.

– Вот тебе! – шлепнул его по макушке рассерженный родитель. – Будешь знать, как к незнакомцам приставать!

Непоседа заревел еще больше и пустился наутек.

– Держи своих отпрысков при себе! – процедил сквозь зубы жрец и двинулся дальше.

Береник провожал его взглядом настороженных глаз еще долго, до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Солнце уже почти скрывалось за горизонтом, когда высокий силуэт жреца показался вблизи поселения, состоящего из множества раскиданных по живописной долине домов.

Жрец опять достал свой прибор, и, сверившись с ним, направился в деревушку. Зажглись возвышающиеся у обочины фонари, украшенные резными завитушками и стали медленно разгораться. Нагретый за день воздух, напоенный ароматами многих цветов и трав, медленно остывал, отчего благоухание становилось все более явственным. Появились ночные обитатели

долины, рыжие сеймухи, которые бесшумно разрезая воздух длинными перепончатыми крыльями, высматривали в кустарниках свою добычу.

Лируанец подошел к ближайшему дому, небольшому приземистому строению с круглыми пузатыми окошками, украшенными вьющимися цветами, и постучал посохом в толстую дубовую дверь. В окнах зажегся свет, за порогом послышалось шлепанье босых ног, и дверь отворил старик в светлой холщовой рубахе. Он подслеповато шурился на гостя, пытаясь различить незнакомый силуэт в стремительно наступающих сумерках.

– Мне нужен ночлег, – прозвучал низкий голос лируанца, и он решительно шагнул за порог.

Старик посторонился, пропуская гостя в дом. Затворил за ним дверь и мелким шагом поспешил на кухню. Загрел мелкими тарелками, мисками. Через некоторое время на столе появились скромные блюда из дичи и трав. Жрец уже сидел на скамье, вытирая полотенцем влажное после мытья лицо.

– Да, скромно ты живешь, – глянул он исподлобья на старика, который разливал из кувшина по чашам густой напиток.

– Так ведь один живу, мне разве много нужно? – виновато произнес тот.

Затем присел и пригубил из чаши.

– Не часто здесь таких, как ты, встретишь. Не балуете вы нас своим визитом. Даже не упомяну, когда в последний раз разговаривал с лируанцем.

Предвидя дальнейшие расспросы старика, жрец поспешил разъяснить, какая причина заставила его оказаться здесь. Он искал школу наставника Иллиума, поскольку был наслышан о ней и хотел поближе познакомиться с этим замечательным наставником, чтоб в дальнейшем набрать себе для храма способных и многообещающих учеников. Выродилась молодежь, пожаловался он, сплошь лентяи да бездари. Приходится в поисках подходящего ученика совершать такой длинный путь.

– Ишь ты, – подивился старик, вытирая сморщенный рот рукавом рубахи, – плохо твое дело, раз в такую даль забрался. Видно, совсем там у вас таланты перевелись.

– Так и есть, – кивнул жрец.

– Иллиум хороший человек, мудрец, ученый. Только учеников у него мало в последнее время, говорят, нет желающих. Живет с ним один парнишка, ученик его, смысленный малый, шустрый, но безалаберный. Давно уже на учении, с самого детства, а должного прилежания у него и в помине нет. Сдается мне, что он не совсем подходит для твоего храма. Впрочем, ты и сам сможешь в этом убедиться завтра.

– Выходит, ты хорошо знаком с Иллиумом и его учеником, раз знаешь такие подробности?

– А как же! Я ведь коз пасу постоянно недалеко от их обители. Частенько встречаю и Иллиума, и его ученика. Иллиум, бывает, отлучается из дома, а Арринтур целый день в траве валяется или по лесу гоняется за дичью. Шкодник тот еще... то на мою козу лавровый венок оденет, то колокольчик на дерево перевесит. Сил уже нет его шутки терпеть.

Жрец отодвинул от себя миску и откинулся на спинку скамьи.

– Откуда этот мальчик? – лениво спросил он, и лишь на мгновение сверкнули глаза под полуприкрытыми веками.

– Говорит, что не помнит своих родителей. Привезли его давно, ребенком еще, с самого Астерхума. А ты знаешь, какие высокородные жители там обитали. Обитали... Даа, славный был город! На множество миров не было такого роскошного, процветающего места. Какие диковинки оттуда привозили еще мои родители! Каким чудом казалось, хоть однажды посетить этот удивительный город. Могущественный род...даа...утратил свое могущество и бывшее величие. Не осталось и следа от его славы, силы, мощи. А мы, простые самурыяне, как жили всю жизнь, радуясь солнышку да хорошему урожаю, так и радуемся до сих пор. А мне так и не удалось туда попасть. Жаль, не успел! Теперь только и осталась одна радость – мои козы да нектар.

– Ладно, старик, утро дает новые силы. Постели-ка ты мне где-нибудь, хочу отдохнуть после долгой дороги.

– А как же, а как же! – поспешно согласился старик. – Постелю тебе ложе из толстолистиков. Успишь как убитый.

Он вскочил с неожиданной для его возраста проворностью и мелкой трусцой засеменил на другую половину дома.

Лируанец пошарил у себя в необъятных складках плаща и вытащил на свет небольшую пузатую бутылку с темноватой жидкостью. Со стуком поставил ее на стол.

Старик вернулся:

– Постелено!

Увидав пузырек на столе, радостно сверкнул глазами.

– Прими, старик, наш лируанский нектар! – Лируанец кивком головы указал на бутылку.

– Ух, ты! – старик взял бутылку и стал разглядывать ее содержимое на свет ночника. – Густой! Лируанский я еще ни разу не пробовал! Благодарствую! Этого мне надолго хватит!

Радость его была неподдельной.

Утро встретило Арринтура, как всегда, радостно, солнечно и зазывающе. Он не стал дожидаться, когда его наставник Иллиум хриплым голосом попросит приготовить чай и пожарить перепелиных яиц. Быстро справился с завтраком, в великом нетерпении ожидая появления Иллиума после утренней молитвы. Вчерашняя ловушка для кунит действительно требо-

вала его присутствия. Сработала ли она? Попался ли в нее меховой зверек с узким длинным телом и глазами-бусинками? Все его мысли были заняты этой ловушкой, и он даже не заметил, когда из-за полога тихо вышел и подошел к столу Иллиум – глубокий старик с седой бородой, весь испещренный морщинами, но с ясными живыми глазами.

– Что задумал, шкет?

Аррринтур подскочил на месте.

– Ничего, наставник.

Иллиум задержал на нем пронизательный взгляд и затем опустился на скамью.

– Мою одежду вычистил?

– Да, наставник.

– Сапоги приготовил?

– Да, наставник.

– Да, наставник, – неожиданно передразнил его Иллиум, вытянув лицо.

– Скажите, пожалуйста, какой пайнька! Поди, опять в лес собрался, сорванец.

– Только, чтобы выполнить уроки.

Аррринтур старательно разливал из кувшина разбавленный нектар. Разлил по двум кубкам и уселся за стол. Иллиум взялся за кубок, собираясь отпить из него, и, вспомнив что-то, поставил назад.

– Какое было третье задание? – внезапно спросил он.

Аррринтур оторвался от кубка с нектаром и, невинно хлопая глазами с белесыми длинными ресницами, ответил:

– Определить к какому виду относится ершик пахучий. Изучить корни, стебли, листья. Определить полезные и вредные свойства.

Иллиум окинул ученика долгим взглядом, потом придвинул к себе кубок.

– Неужто за ум взялся, а, шкет?

– Я всегда стараюсь, наставник, только ты меня не понимаешь.

– Поглядите-ка на него! Я его не понимаю! Может, мне еще пожалеть тебя?

Аррринтур, опустив голову, что-то пробормотал.

– Что ты там бурчишь себе под нос?

– Ничего, наставник.

– Что бурчишь, спрашиваю! – повысил голос Иллиум.

– Эх... – вздохнул Арринтур, – сиротинушка я несчастная, родителей своих не помню, и никто меня понять не хочет.

– Поплачь еще мне! – с напускной строгостью проворчал Иллиум. – Ты своих родителей, будь они у тебя, раньше времени отправил бы на встречу с загробными стражами.

Арринтур громко шмыгнул носом и принял такой неподдельно несчастный вид, что сердце старого наставника дрогнуло, и он замолчал.

Много лет назад в его скромную обитель постучался исполин с ярко-голубыми лучистыми глазами, который держал в руках сверток из дорогого полотна. Это был воин с могучими плечами и суровым взглядом. Все черты его благородного лица были словно вырезаны из мрамора, а высокая, стройная и сильная фигура бросалась в глаза и выдавала в нем представителя династии Астератов. Иллиум склонился перед ним в благоговейном трепете, и, увидев сочащуюся кровь, кинулся осматривать повязку, обмотанную вокруг упругих мышц на предплечье. Исполин мягко отстранил его и протянул свой сверток. Иллиум, приняв ношу, обнаружил, что сверток шевелится и, развернув, увидел упитанного малыша с ясными живыми глазками.

– Иллиум, мы знаем тебя, как преданного и верного служителя астератов, твоя честность и благородство всегда ценились нами. У нас к тебе просьба, возможна последняя. Нас осталось совсем мало, в нескончаемых раздорах мы уничтожили себя сами. Сохрани этого малыша, и если никто из нас не явится за ним, значит он последний астерат, тогда воспитай его как своего и дай ему все знания, какими обладаешь сам, и только тогда ты будешь вправе дать ему ключ от Астерхума.

Столько лет прошло, а благородный воин до сих пор стоит перед глазами, как живой, и его мелодичный голос все еще звучит в ушах. Он тогда и представить не мог, что видит его в последний раз. Даже не допускал, что династия астератов может вся до последнего погибнуть, кроме этого мальчика. С затуманившимся взглядом он вернулся из своих воспоминаний и мягко посмотрел на Арринтура.

– Ну, неси мою одежду!

Арринтур стремглав унесся прочь и вернулся с ворохом одежды. Иллиум слегка поморщился от такой готовности ученика поскорей спровадить его. Вздохнув, он стал натягивать высокие сапоги из оленьей кожи с ажурными голенищами и пружинящим каблуком. Арринтур суетливо подавал то одну вещь, то другую. Иллиум наконец облачился в свою дорожную одежду и выжидающе застыл. Арринтур какое-то время глядел на него недоуменно, потом стукнул себя по лбу и помчался в покои наставника.

Подставив стул, полез на верхнюю полку за деревянной тяжелой шкатулкой. Осторожно снял ее, пытая и отдуваясь, соскочил со стула и поставил на стол. Откинув крышку из потемневшего от времени тусклого дерева с резьбой по самому краю, достал с бархатного мягкого ложа толстую продолговатую трубку из астерхумского хрусталя, бесполезную вещь, по мнению

Арринтура. И чего старик так над ней трясется, непонятно. Ну да, светится трубка в руках старика, как только в руки ее возьмет, и вся польза. Но повсюду с собой таскает, зажмет трубку в своей ладони и замирает с закрытыми глазами. Арринтур, конечно, не удержался однажды, когда старик отлучился ненадолго из дома. Взял хрустальную трубку в ладонь, и так зажимал, и этак, даже дул на нее, и на свет сквозь нее глядел – никакого толку. Это, должно быть, одна из тех вещичек, вроде молитвы, когда старик закрывается в своей комнате, закрывает глаза и превращается в неподвижный столб. Да еще и его заставляет: «молись, Арринтур, молись, загляни внутрь себя, тебе много чего откроется». Ничего там нет. Темно и пусто, да еще и скуотища страшная. Голову морочит старик.

Взяв трубку обеими руками, он понес ее старику и прежде чем поднять полог, придал лицу почтительный и кроткий вид. Иллиум спрятал трубку в одном из бесчисленных карманов широкого плаща с накидкой. Направился к двери, достал из-за порога толстый посох. Критически оглядел его.

– Совсем растрескался, – сказал он недовольно. – Новый надо выточить. Слышь-ка, шкет, – повернулся он внезапно.

Арринтур, следующий за ним по пятам, чуть не налетел сзади.

– Пойдешь изучать ершик, поищи афцелию и сруби подходящий сук.

– Да, наставник.

Иллиум широким шагом спустился к тропинке, ведущей из леса к большому тракту. Арринтур, вытянув шею, следил за ним, пока фигура наставника в широком плаще не скрылась в зарослях. Выждал еще некоторое время и затем помчался в мастерскую. Белка на дереве, что росло рядом с домом, спустилась по темной коре совсем низко, поводила крохотной мордочкой вслед Иллиуму, принюхиваясь, словно провожала его.

Арринтур спешно собирался. В лесную сумку были уложены бутыл с водой в кожаном мешочке, гречневые лепешки, кусочек сыра. Туда же уместились ножик, моток веревки и самодельный сачок из рыболовной сетки. Натянул на ноги мягкие сандалии, сумку перекинул через плечо и шагнул за дверь. Задвижка на двери защелкнулась за ним, словно ставя точку в приготовлениях.

Лес он знал, как свои пять пальцев. И это не удивительно – сколько себя помнит, с самого детства обитал в нем. Знал наперечет все деревья, в которые попала молния, все тропинки, звериные и людские. Знал, где собираются ручейки в маленький пруд с кристально чистой водой. Там иногда можно было поймать на мотылька маленькую юркую плотвичку, очистить и жарить на углях. Знал, в какой стороне находится волчье логово, хотя близко подобраться пока еще не осмелился. Воровал яйца с птичьих гнезд и устраивал великую неразбериху, подкидывая их то в одни гнезда, то другие. Знал, где живет подземный маленький народ береник. И сколько не высматривал, так и не смог найти вход в их поселение. Игры с беренятами уже давно приелись и наскучили, и ему больше не доставляло прежнего удовольствия играть с ними в прятки. Они всегда выигрывали. Еще бы, такие мелкие, что мураши, они могли укрыться за любым листиком. Вот, легки на помине. Только подумал о них, уже выскочили неизвестно откуда, стоят, хихикают, радуясь неизвестно чему. Стараясь не замечать их, свернул на другую тропинку. Но не тут-то было. Они неожиданно вырастали перед ним в своих войлочных шляпках, как грибы после дождя.

– Не уйдешь, не уйдешь! – заверещали они.

– Это мы еще посмотрим! – огрызнулся Арринтур и во всю прыть помчался сквозь кустарники и хлещущие по лицу ветки. Они восприняли это как новую игру и помчались за ним. Он убегал долго, петляя и кружа, стараясь запутать след, и остановился только тогда, когда уверился, что оторвался от надоедливых беренят. Долго отдышивался, жадно хватая воздух ртом, затем достал из сумки кожаный мешочек и глотнул воды.

Ловушка, сплетенная из прутьев лозняка и рыболовной сети, была пуста, и приманку никто не трогал. Он отыскал укромное местечко за ближайшим кустом, устроил удобный пункт для наблюдения, предварительно закусив лепешкой с сыром. Долгие часы ожидания очень утомили, тело начало затекать и чесаться. Он выбрался из своего укрытия и еще раз проверил приманку. Кусочек вяленого мяса был весь покрыт муравьями. Он осторожно добавил к этой приманке еще и кусочек сыра. Затем решил скоротать время, бродя по окрестностям.

Тропинка вывела его на испещренную оврагами окраину леса, переходящую в холмистую местность. В одном из глубоких ущелий бежал ручеек с прозрачной водой. Место оказалось неожиданно тихим – ни птиц, ни зверя – только ветер проносился, шелестя травой. Склон ущелья, по которому пришлось спуститься, выглядел очень крутым. Цепляясь за ветки кустарников и поскальзываясь на круглых камешках, которые сорвавшись из-под его ног, подпрыгивая, стремительно катились вниз, он добрался до дна ущелья. Прозрачная вода в ручье неслась по самому дну, огибая валежник и обдавая прохладой. Два огромных валуна загораживали проход вверх по ручью. Обойти их было невозможно, а для того, чтобы перелезть, они были слишком гладкими и круглыми. Он передохнул и собирался уже подниматься вверх, как вдруг какая-то тень накрыла его. Подняв голову, он увидел огромных размеров птицу, которая кружила высоко над ним. Он прижался к камню и затаился. Птица сделала несколько кругов и стала снижаться. Когда она подлетела к самому ущелью, Арринтур увидел, что у птицы широкие перепончатые крылья, мускулистое тело и зубастый гребень, отливающий изумрудом. Сомнений больше не оставалось – это был дракон. Эти существа избегали людей и местом своего обитания, как правило, выбирали глухие и труднодоступные места вдали от людских поселений. Увидеть дракона было неслыханной удачей. Но что дракон делает здесь?

Дракон опустился в верхней части ущелья. Арринтур мог видеть его в щель между валунами, за которыми продолжал прятаться. Дракон попил воды из ручья и, балансируя крыльями, стал куда-то взбираться, а потом внезапно исчез. Стоявшие на пути валуны загораживали обзор и мешали рассмотреть то место, куда полез дракон. Арринтур в отчаянии огляделся вокруг, пытаясь разглядеть проход на другую сторону. Сделав усилие, зацепился за верхушку гладкого валуна и безуспешно попытался подтянуться. Поняв тщетность своих усилий, натаскал булыжников к валуну, составил из них что-то наподобие подножия, только после этого удалось перебраться через валун.

Придерживаясь редких кустов и стараясь не шуметь, он осторожно стал красться вдоль ручья по дну ущелья. Дракон появился словно ниоткуда. Развернув темные крылья, он плавно взлетел, сделал круг над ущельем и поднялся высоко в небо, пока не превратился в маленькую точку.

Арринтур поспешно направился к месту появления дракона. Внимательно исследовал скалистый склон и заметил за одной из каменных глыб темное отверстие. Поднявшись к нему, увидел, что это вход в небольшую пещеру. Залезать в нее было страшновато, так как было

неизвестно, кто или что в ней таилось. Он осторожно бросил сначала один камешек, потом другой... Тишина. Выждал немного и решился влезть в черное горло пещеры. Насколько позволяло увидеть скудное освещение, пещера казалась просторной. В глубине пещеры царил непроницаемый мрак. Когда глаза привыкли к темноте, стали различаться очертания предметов, которые были скрыты мраком.

Обнаружилось, что одна сторона пещеры покрыта длиноволокнистым мхом, а в углу сложены камни, образуя замысловатый закуток. Он, напрягая зрение, заглянул в него и различил контуры чего-то светлого и круглого, похожего на белые булыжники. Но для булыжников они были слишком гладкими и ровными. И слишком одинаковыми. Протянув руки, он ощупал их. Они были теплыми. Скинув с себя сумку, он вытащил один из этих круглых предметов на свет. Драконье яйцо! Он наткнулся на драконье гнездо! Вот так удача! Осторожно положив яйцо на пол, он пошел осматривать другие.

Оставшихся яиц оказалось три, они смутно белели в своем закутке из камней. Арринтур вернулся к своему яйцу. Открыл сумку, достал оттуда все вещи и попытался запихнуть яйцо в сумку. Не влезло, сумка была слишком мала для такого огромного яйца. Тогда он взял сачок из сетки и одел его на яйцо, сачок оказался в самый раз. Так, нужно уходить, да поскорей. Он привязал сачок с яйцом к сумке и осторожно выглянул наружу – никого. Спустившись к ручью, разулся, взял сандалии в руки и пошел прямо по воде на тот случай, если вдруг дракон умеет брать след по запаху.

Выбравшись из ручья, он обулся, осторожно закинул свою поклажу на плечо и стал подниматься в лес. У него будет свой дракон! Личный. Нужно позаботиться о яйце, спрятать в укромном местечке. Интересно, как появляются драконята на свет? Как птенчики? И через какое время? А чем их кормить? Ну, ничего, он разберется со всем этим. Надо будет наставника потихоньку расспросить, он все знает. Должен и про драконов знать.

Когда добрался до дома, уже вечерело. Он сразу же направился в мастерскую. Отвязал сачок с яйцом, выволок из дальнего угла деревянный ящик для инструментов, освободил его от всех многочисленных предметов, застелил пучками засушенных трав и аккуратно переложил на них свою драгоценную находку. Плотно закрыл крышку на ящике, а инструменты, чтоб не бросались в глаза, сложил в мешок и оттащил в угол. Подобрал свою сумку и спохватился: ножика и веревки не было. Вот зараза! Наверное, оставил в пещере. Но уже не оставалось времени на выяснение этого неприятного момента, нужно было поторапливаться и успеть к приходу наставника выучить хотя бы несколько заданий.

Он прилежно сидел за потрепанной толстой Книгой Знаний при моргающем свете ночника, когда за дверью раздались тяжелые шаги и стук посоха. Он соскочил и выбежал отворять дверь. Иллиум выглядел утомленным и уставшим. Он снял с себя заплечный мешок, передал его Арринтуру, тяжело опустился на скамью. Арринтур сначала отнес мешок в обеденную, а потом стал стаскивать со старика сапоги. Старик, освободив ноги, с наслаждением вытянулся на скамье:

– Хорошо!

– Слышь-ка, Арринтур, достань из моего мешка сыр. И каравай тоже. Поешь, сынок, тебе много пищи требуется, чтобы вырасти сильным и умным. Эх... Видел я Астерхум. То, что от него осталось. Какой удивительный мир ушел в небытие! Даже память о нем и та стирается, скоро даже упоминаний никаких не останется. Вся надежда на тебя, сынок. Если научишься всему, чему я тебя учу, сможешь возродить твой Город. Только ты один и остался.

Арринтур захлопал глазами.

– А как же, наставник, ты меня тупицей постоянно обзываешь, и лоботрясом...

– Потому и обзываю, – строго оборвал его Иллиум, – хочу, чтоб ты за ум взялся, который у тебя есть. Хочу, чтоб проявил прилежание и усердие.

– Я стараюсь, наставник. Но я не понимаю, зачем мне зубрить эти пестики и тычинки? Не лезут они мне в голову.

– Все это нужно знать, сынок. Я не по простой прихоти своей, старческой, заставляю тебя учиться. Ты должен многое узнать и хорошо разбираться в окружающем тебя мире, должен научиться ценить жизнь каждого живого существа, ценить существование каждого растения, камня, ручья. Ты должен глубоко проникнуть в законы Мира и Вселенной, чтобы ненароком не нарушить их. Незнание Закона очень дорого обходится. Без этих знаний я не могу передать тебе ключ к Духу.

– К Духу? Какому Духу?

– Великому Духу! Духу, который прежде обитал в Астерхуме.

Арринтур весь извелся от любопытства и непонимания и тщетно напрягал лоб в усилиях понять слова старика.

– Наставник, а где он теперь? У тебя есть ключ к нему?

– Да, сынок, ключ у меня есть, но пользоваться им сможешь только тогда, когда поумнеешь. Ну, хватит разговоров. Утомился я за весь день. Ты задания выполнил?

– Да, наставник.

– Афцелию нашел?

– Нет, наставник, я сидел с книгой, не выходил сегодня в лес.

– Что ж, завтра сам пойду, поищу. Старый посох-то мой весь разваливается уже, как и я сам, – затрясся он в хриплом смехе, скорее похожем на карканье, чем на смех.

Он тяжело поднялся, позволил снять с себя плащ и отправился в свои покои.

Глубокой ночью Арринтур сквозь сон ощутил какой-то толчок и содрогание. Землетрясение, подумал он, вслушиваясь, с трудом разлепив веки. Наступила тишина, и веки начали слипаться. Но толчок повторился, а потом еще и еще. Он вскочил и побежал в покои наставника. Иллиум уже зажег светильник, и с тревогой выглядывал в окно, за которым был непроницаемый мрак. Толчки прекратились, и он взглянул на испуганного Арринтура.

– Что это, наставник? Землетрясение?

– Не похоже, – задумчиво ответил Иллиум, напряженно о чем-то думая. – Ну, все, прекратилось, иди-ка ты спать, завтра совсем рано вставать, в лес отправимся.

Арринтур поудобней пристраивал свою подушку, когда раздался чудовищный толчок, и дом начал содрогаться. Арринтур замер, парализованный ужасом от неизвестной и неведомой опасности, которая окружала их одинокий домик в ночном лесу. Он зажмурил глаза и накрылся с головой, чтобы не видеть это ужасное нечто. Толчки все продолжались, и сквозь грохот, производимый падающими предметами в доме, до его ушей донесся жуткий звук, похожий на смесь шипения и воя, словно исполинские волки и змеи вместе атаковали их дом. Это было просто невыносимо. Он зажал свои уши.

Внезапно совсем рядом он услышал голос наставника.

– Вставай, сынок! Достань мою трубку!

О какой трубке говорит этот старик в такую минуту? Совсем из ума выжил! Он высунулся из-под покрывала и увидел склонившегося над ним наставника без колпака, с растрепанными седыми волосами.

– Ничего не бойся, сынок. Принеси только мою трубку.

Арринтур, лязгая зубами, полез за шкатулкой. Что он с ней собирается делать? Хочет с ее помощью отогнать опасность?

За окном вдобавок к вою и шипению появились сполохи огня, словно кто-то водил факелом вдоль окон. Арринтур, зажав трубку в руке, кинулся к наставнику и вцепился в его хламиду. Иллиум с трудом разжал пальцы ученика и высвободил хрустальную трубку. Дом продолжал содрогаться сквозь грозный вой, шипение и сполохи огня.

– Успокойся, Аринтур, это всего лишь дракон.

– Дракон!! – зажмуренный глаз Арринтура приоткрылся. – Какой дракон? Ведь они же никогда к нам не...

Он осекся, сраженный догадкой.

– А вот мы и выясним, чем мы ему не угодили, – проговорил Иллиум, встал в середину комнаты, взял обеими руками трубку и застыл. Трубка вспыхнула чистым кристалльным светом и озарила седые космы старика. Он стоял с закрытыми глазами безмолвно, неподвижно, веки его подрагивали, а глазные яблоки совершали бешеные движения.

Арринтур сел в углу с подтянутыми к груди коленями, обхватил их руками и исподлобья наблюдал весь этот ужас вокруг. Вот проклятье, неужели дракон унюхал, кто стащил его яйцо? О, Творящий, что же делать, как же быть? Если я расскажу наставнику, от него здорово влетит, а если не расскажу, то этот дракон так и будет всю ночь на дом кидаться. О, ужас! Он изо всех сил сжал колени руками и уткнулся в них головой. Не слышать, не видеть и не думать! Зажмурив глаза, он закачался от невыносимых, терзающих душу мук.

– Ах, ты, негодник! – вывел его из себя грозный окрик.

Он вздрогнул и открыл глаза. Наставник нависал над ним, гневно сведя густые седые брови, и глаза его метали молнии. Арринтур почувствовал, как все силы покидают его.

– Где яйцо, засранец? Отвечай, где яйцо?

Арринтур лязгнул зубами и еле выдавил из себя, заикаясь:

– Ттам! – и махнул рукой в сторону двора.

– Где там? Ну-ка пошли!

Иллиум схватил его не по-старчески могучей хваткой и потащил во двор, прихватив светильник.

– Не надо, наставник! – завопил Арринтур, пытаясь вырваться из его рук. – Не надо, там дракон!

– Ах, вот как! Дракона, значит, боишься! А яйца красть не побоялся? Показывай, где яйцо, иначе, клянусь своей бородой, отдам тебя дракону вместо яйца.

Он поволок завывающего Арринтура во двор сквозь шум, треск, грохот и шипение. За порогом их ослепил свет полыхнувшего огня, а затем в темноте они увидели огромный силуэт дракона, который вытянув шею, злобно шипел, совсем как бешеный гусь. Он готов был накинуться на них и угрожающе распростер свои широкие крылья.

Старик прикрыв собой Арринтура, бесстрашно выставил вперед посох, и, перекрикивая грохот и шипение, громко прокричал свирепому гостю:

– Успокойся! Это ребенок стащил твое яйцо по незнанию. А виноват я! Не уследил, не научил! Я прошу простить меня! Мы вернем твое яйцо!

Дракон шипел, изрыгал огонь и бил крыльями, но старик даже не дрогнул и стоял непоколебимо, загородив собой Арринтура. Седые волосы развевались от ветра, поднимаемого бешеным взмахом крыльев, а огонь едва не спалил суровое лицо под насупленными косматыми бровями. Повыв и пошипев, и выразив весь свой неистовый гнев, дракон, наконец, утихнул, словно потерявшая силу стихия.

Старик медленно зашагал к мастерской с вцепившимся в него Арринтуром. Дойдя до двери, Арринтур юркнул за порог и быстро отыскал ящик с драконьим яйцом. Трясущимися руками он передал яйцо наставнику.

– Ты оставил его в запертом ящике!?! – голос наставник зазвенел от возмущения. – Да знаешь ли ты, что он может задохнуться без воздуха, олух! Ох, и молись же, чтобы с птенцом ничего не случилось!

Арринтур взвыл. Иллиум осторожно понес яйцо наружу и аккуратно положил на землю. Дракон подлетел молниеносно и чуть не сбил старика с ног, который заблаговременно отошел назад. Дракон склонился над яйцом, потыкал его мордой с раздутыми ноздрями и что-

то затрещал, совсем как родитель, успокаивающий своего малыша. Затем обхватил свою драгоценную ношу передними лапами, оттолкнулся от земли сильными задними конечностями и, поднявшись в воздух, улетел прочь.

Наставник обернулся к Арринтуру и грозно спросил:

– Так, значит, ты весь день занимался? Никуда не выходил? Отвечай, негодник! Что еще ты натворил?

– Ничего, наставник! Больше ничего! – захныкал нерадивый ученик.

– Отправляйся немедленно в постель, завтра я еще разберусь с тобой! Какого лжеца я воспитал! Какой позор на мою седую голову! Какой позор!

Арринтур, не дожидаясь повторного приказа, пущенной стрелой помчался в свою кровать. Накрывшись с головой, он долго не мог уснуть от пережитого ужаса, ломая голову над тем, каким образом смог узнать наставник, зачем явился дракон и кто является виновником пропажи яйца. Он долго вертелся и вздыхал, пока сон наконец не сморил его и не избавил от тягостных дум.

Жрец храма Ориона исколесил и истоптал множество дорог в разных мирах, разыскивая ребенка, которого вывезли много лет назад с Астерхума в малоизвестный и ничем непримечательный край. Наконец-то долгие годы его изнурительных поисков увенчались успехом. Он нашел того, кого так долго и настойчиво искал. Полдела решено.

Он хорошо помнил мир Астерхума, его храмы с хрустальными шпильями, пронзавшими небо и отражавшими свет, который причудливо преломляясь, расцвечивал пространство в немыслимо волшебные цвета. Помнил, как испытал бесконечное благоговение и трепет, когда впервые был допущен в Верховный храм звезды Астератус. Астерхум славился своими висячими садами с самополивом по всему городу, засаженными растениями со всех уголков вселенной. Бесконечные сады, которые наполняли воздух неповторимым благоуханием и ароматами тысяч и тысяч цветов, радовавшие глаз бесчисленными плодами самых разнообразных фруктовых и ягодных деревьев, простирались повсюду. Это был пестрый, яркий, многоцветный мир, место изобилия и процветания, чьи несметные богатства, казалось, не имеют ни конца, ни края. И вот, кто бы мог подумать, что из-за войн и катастроф он придет в полный упадок и разрушение. Так им и надо, астерхумцам! Уж слишком они задирали нос, слишком долго оставались на самой верхней ступени могущества, кичились своими знаниями и богатством. А кончили, как самые обыкновенные заитяне, которых и след простыл во времени, и никто о них больше не вспоминает.

Все секреты и знания астерхумцы унесли с собой, все ушло в небытие, кроме единственного послышья, в котором остался мир его предков, правителей древнего и могущественного рода. Этот мальчик скрывал в себе многие тайны и чудеса Астерхума, ключ от могущества канувшей в забвение цивилизации.

Подделки под астерхумские украшения, замороженные цветы и летающие доски все еще ценятся во всех уголках вселенной. Мошенники еще не отучились делать качественные копии с когда-то существовавших предметов быта и искусства Астерхума. Вот только никогда не

научатся делать вечные светильники, всевидящие очки, разумные растения и серебристых единорогов. Подлинные артефакты, оставшиеся от осколков Астерхума, бесценны, очень редки и мало кому доступны. Настоящие подлинники растерялись во времени и пространстве только лишь из-за того, что попали не в те руки, и было совершенно непонятно назначение этих вещей, а без знания они, конечно же, не представляли никакой практической пользы, и могли сохраниться лишь в качестве сувенира или реликвии.

Он без труда нашел их домик и расположился неподалеку за густыми листьями кустарника. Отсюда хорошо просматривалось их место обитания, он даже был свидетелем инцидента с драконом. Нужно хорошенько изучить Иллиума и его ученика, прежде чем приступить к осуществлению плана. Темный плащ хорошо маскировал его среди веток, и можно было безбоязненно наблюдать за их жизнью.

Наломав мягких веток, он соорудил из них ложе прямо на земле, устроился на нем, оперся спиной о ствол молодого деревца, укрылся плащом и сомкнул веки. Разбудил его стук двери. Заспанный мальчик с ослепительно белыми волосами в тканой светлой рубаше вышел из дома с бадьей для воды и спустился к ручью, что протекал неподалеку от дома. Набрав воды, он пошел назад, расплескивая воду прямо на свои сандалии, и скрылся за дверью.

Прошло достаточно времени. Жрец все так же наблюдал, подкрепившись козым сыром и нектаром. Затем дверь отворилась, показался Иллиум, облаченный в широкую хламиду, и вслед за ним мальчик с походной сумкой на боку.

Иллиум шагал широким шагом, опираясь на посох, Арринтур держался сзади. После ночного происшествия он старался лишней раз не мозолить глаз старику. Они направились вглубь леса.

Все в природе проснулось. Пташки носились, как оголтелые, бабочки порхали бесшумно от цветка к цветку, жужжали пчелы, унося нектар, где-то высоко с деревьев раздавался стрекот стукача. Лесная многоликая и шумная жизнь бурлила со всей энергией, которая была отпущена Всетворящим.

Старик указал посохом на куст ярко-желтых цветов с темной сердцевинкой.

– Что ты видишь? – обернулся он к Арринтуру.

– Это черноглазка.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Ну, это многолетний цветок... Цветет сорок дней... новые цветки рождаются после опыления...

– Ты не по писанному отвечай. Что ты ощущаешь, когда видишь этот цветок? Разве он не красив?

– Ну, красив...

– И что ты чувствуешь, глядя на него?

Арринтур наморщил лоб.

– Цветок как цветок, желтый, как солнышко... настой помогает от простуды...

– Ты не из головы отвечай, а в сердце свое загляни, есть там что-нибудь?

Арринтур напрягся в мучительном усилии понять смысл вопроса старика.

– Радует тебя черноглазка? – подсказал старик.

– А от чего мне радоваться? – захлопал глазами Арринтур.

Иллиум вздохнул.

– Что ж, не проснулось твое сердечко еще, значит. Если бы ты мог видеть сердцем, видел бы красоту во многих вещах, и пил бы ты эту красоту без конца.

Арринтур заморгал, вовсе теряясь от непонятных слов наставника.

– Пить красоту? Это как? Как нектар что ли?

– Не через глотку пьют красоту, а через сердце. И не желудок ты ею наполняешь, а душу, и становишься от этого мудрее, сильнее, выше.

Поглядев на тоскливый вид ученика, Иллиум велел отправляться дальше. Они пошли через густую чащу, продираясь сквозь ветки, норовившие стянуть с головы Иллиума колпак. Старик шагал уверенно по каким-то одному ему известным приметам, и вскоре они оказались у молодого крепкого деревца, устремившегося своей густой зеленой кроной ввысь.

– Вот она, афцелия, – любовно похлопал старик по стволу дерева. – Не бойся, милая, я только веточку у тебя позаимствую для своего посоха.

– Ну-ка, Арринтур, полезай на дерево и срежь мне подходящий сук. Вот для чего пригодились-то твои молодые ножки. Куда мне, старику, угнаться за ними.

Арринтур, скинув с себя сумку и зажав в зубах пильный нож, проворно вскарабкался на дерево по гладкому стволу, цепко обхватывая его своими конечностями. Взобравшись повыше, он запилил по дереву, и вскоре к ногам старика упал добротный прямой сук..

– Ишь, сорванец, какой хороший нашел, – одобрительно покачал он головой.

Он достал из сумки с инструментами поделочный нож, удобно устроился на ближайшем пеньке и собрался очищать сук от коры и веток. Но прежде посмотрел наверх:

– Слышь, сорванец, осторожней слезай, не вздумай с верхушки прыгать!

– Хорошо, наставник, – послушно откликнулся сорванец и прилежно слез с дерева без своих обычных выкрутасов.

– Подойди сюда, сядь, – велел Иллиум, не отрываясь от своего занятия.

Арринтур с нехорошим предчувствием приблизился к нему и уселся прямо на травянистый бугорок.

– Что ты собирался делать с драконовым яйцом?

Арринтур понутив голову, стал рвать листья на траве под собой.

– Хотел вывести дракона и приручить, а потом летать на нем... – ответил он нехотя.

Иллиум неожиданно разразился каркающим смехом. Прекратив водить ножом по дереву, он так сотрясаясь от смеха, что слезы выступили на глазах.

– Эх-хе-хе! Такое только тебе и могло прийти в голову! Приручить дракона, чтобы летать!

Он прекратил смеяться и сказал строго:

– Да будет тебе известно, что драконье потомство выводится чрезвычайно редко, и ты рисковал не только своей глупой головой, но и моей старой. Драконы готовы сражаться до последней капли крови за свое потомство, и если бы что-нибудь случилось с яйцом, мы бы с тобой сейчас здесь не сидели.

От одной только мысли, какой опасности они подвергались, Арринтур покрылся холодным потом и почувствовал озноб.

– Дурья твоя голова, – продолжал старик, – ты думал, дракон не сумеет найти похитителя яйца? Да они на тысячу расстояний чувствуют и видят все, что хотят видеть.

– Наставник, а как ты узнал, что дракон прилетел за яйцом?

– С помощью моей трубки. Она помогает мне видеть. А вот ты, шкет, можешь видеть и без трубки.

– Но я ничего не вижу!

– И хорошо, что не видишь! Еще не настало твое время, сынок, иначе натворил бы ты дел. Прежде нужно выучиться, понять, что к чему, различать, где черное, где белое. И самое главное...

Иллиум замолчал и испытующе посмотрел на ученика. Арринтур с широко распахнутыми глазами внимал наставлениям старика.

– ...самое главное, – продолжил старик, – вовремя понять, когда черное превращается в белое, а белое в черное. И всегда быть готовым к таким изменениям. Мир никогда не стоит на месте, запомни это хорошенько.

Закончив с посохом, они двинулись дальше по лесу. Иллиум рассказывал ученику о растениях, росших вдоль тропинки, о деревьях, о грызунах и птицах. Среди густой травы его

взгляд зацепился за какой-то предмет, и он торопливо направился к нему. В ловушке из рыболовной сети сидел обессиленный затравленный зверек с окровавленной мордочкой.

– Твоя работа? – гневно обернулся Иллиум к ученику, который предпочел оказаться на безопасном расстоянии от наставника и стоял, опасливо косясь на его новый посох. – Отвечай, негодник!

Не дождавшись ответа, который, впрочем, был и так очевиден, рассерженный старик стал высвобождать зверька из клетки.

– Что же ты собирался с куницей делать? Разве я не говорил тебе, без нужды не смей охотиться на зверюшек и птиц? Из-за твоего самоуправства невинный зверек чуть не погиб мучительной смертью!

Гневный голос Иллиума грохотал поверх кустарников и трав. Арринтур был готов провалиться сквозь землю. Старик, одной рукой потрясая разорванной клеткой, другой бережно прижимая к себе зверька, двинулся к нему. Нервы Арринтура не выдержали, и он пустился наутек, не разбирая дороги, перескакивая через кусты и сучья, задыхаясь от бешеного бега и страха получить взбучку.

– Вернись, окаянный! – гремел голос за спиной.

Бегство закончилось тем, что он оказался в укромном местечке у ручья, рядом с пригорком, который скрывал его от посторонних глаз. Утолив жажду и остыв после долгого бега, он, пригорюнившись, уставился невидящими глазами на бегущий прозрачный ручеек. Злой старик, думал он, житья от него нет! То одно ему не так, то другое. Ни шагнуть, ни продохнуть без его ведома. И зачем только меня ему отдали!

– Что случилось, юноша? – неожиданно раздался за спиной незнакомый голос.

Арринтур вздрогнул и обернулся. На пригорке стоял худой и смуглый, словно высушенный солнцем, старик в темном плаще с накидкой.

– Почему ты плачешь? Кто тебя обидел?

Незнакомец спустился с пригорка, стуча своим посохом о землю, и приблизился.

– Никто, – пробурчал Арринтур.

Незнакомец развязал плащ и опустился рядом с мальчиком.

– Что, здорово тебе влетело из-за дракона?

– А ты откуда знаешь? – тут же живо поинтересовался Арринтур.

– Я не один год на свете живу, парень. Много повидал, многое знаю, – неопределенно сказал старик своим низким голосом. – А хорошая была идея – приручить дракона!

– Правда? – недоверчиво спросил Арринтур.

– Правда. Верхом на драконе можно преодолеть любые расстояния. Летающие доски разве сравнишь с ними?

– А ты летал на доске? – в глазах мальчика зажглось жгучее любопытство.

– Конечно, летал. Своенравные они, доски-то. Не угадаешь, куда свернет, и когда вздумает упасть. А вот на драконе другое дело. Главное, выучить его хорошенько.

Он поглядел на мальчика, тот молчал, опустив голову.

– Давно ты здесь живешь, в лесу-то?

– Давно.

– Родители есть у тебя?

Мальчик не ответил.

– Да ты, должно быть, проголодался!

Старик полез в складки своего плаща и вытащил маленькие круглые сладости, медовики.

– На, вот, возьми, угощайся! Бери, бери!

Арринтур взял из протянутой руки медовики и сразу же засунул их в рот. Они приятно таяли во рту, а сладкий вкус и вовсе заставил забыть про недавнее горе. Арринтур оживился и стал рассказывать незнакомцу о своей жизни в лесу, о наставнике, об учении. Старик слушал внимательно, всем своим видом показывая самое искреннее участие в судьбе мальчика.

– Как звать-то тебя?

– Арринтур.

– Арринтур...хорошее имя. Ты слышал когда-нибудь про лируанцев?

– Нет, никогда.

– Так вот. Я жрец главного храма с Лируана. Ты можешь называть меня просто жрец.

– Хорошо, жрец.

– Я могу помочь тебе приручить дракона.

Глаза мальчика сначала загорелись, но затем потухли.

– Старик не разрешит, – сказал он уныло.

– А мы ничего и не будем ему говорить.

– Тогда он еще больше рассердится, если узнает!

– Он не узнает.

– Но у него есть хрустальная трубка, через нее он все видит!

Глаза жреца хищно сверкнули.

– Трубка, говоришь? У меня тоже есть кое-что.

Он опустил руки в складки плаща и достал оттуда медный диск, весь потускневший от времени и испещренный черными непонятными символами. От центра диска тянулся какой-то тонкий стержень.

– Я тебе кое-что покажу.

Он взял свой посох и дотронулся до него диском, а затем передвинул стержень, вглядываясь в символы. Раздался щелчок, и вдруг прямо на глазах деревянный посох стал превращаться в медный. Арринтур зачарованно смотрел на это волшебное превращение, не веря своим глазам. Он схватил уже медный посох и внимательно осмотрел его. Он вертел его и так и этак, сомнений не оставалось, посох был из чистой меди.

Старик опять дотронулся до посоха медным диском и вернул его в первоначальный вид. Изумлению Арринтура не было предела.

– Вот, – проговорил жрец, засовывая назад в карман чудесный прибор, – эта штука многое может. Поможет и в том, чтобы стать невидимым для хрустальной трубки. Ты все еще хочешь приручить дракона?

Арринтур задумался на мгновение, потом решительно ответил:

– Да!

День, когда они выбрались к гнезду дракона, оказался благоприятным. Наставник опять отлучился в свое очередное путешествие, так что не составило труда спокойно собраться и отправиться в ущелье. И дракона тоже не оказалось на месте. Арринтур хорошо помнил атаку дракона на их дом, и поэтому с опаской и тревогой взбирался вслед за жрецом в темную пещеру. В пещере все было точно так же, как в прошлый раз: волокнистый мох по одну сторону пещеры, каменный закуток в углу, и четыре больших яйца в нем. Жрец достал два яйца, одно передал Арринтуру, а второе оставил у себя и плотно завернул в свой плащ. А затем они быстро покинули пещеру, выбрались из ущелья и отправились по незнакомой Арринтуру тропинке. Все время, пока они торопливо шагали, озираясь и придерживая ношу, жрец поглядывал на медный диск в своей ладони.

Наконец, они оказались у полуразрушенной деревянной хижины в осиновой роще. В этом месте почему-то стелился густой туман и скрывал развалины хижины. Жрец переступил покосившийся порог с ссохшейся деревянной дверью и облепленный густой паутиной. Посохом прокладывая путь через многочисленные обломки и раскиданные предметы, он добрался до

целой части хижины, Арринтур следовал за ним. Там они выложили яйца в темный угол под деревянную лавку, а сверху накидали ветоши, которая в избытке валялась кругом.

– Будем здесь их выхаживать? – озадаченно спросил мальчик.

Жрец ничего не ответил, только накинул свой плащ, завязал его покрепче и коротко велел:

– Поторапливайся, нам нужно возвращаться.

Арринтур покорно последовал за ним, и через некоторое время с удивлением обнаружил, что они направляются в сторону ущелья, а не дома в лесу, как он подумал.

– Жрец, мы не в ту сторону идем! – сказал он, приостановившись.

– В ту, в ту, – усмехнулся жрец, не замедляя своего шага. – Мы возвращаемся в драконье логово.

Арринтур похолодел от ужаса.

– Но... Там ведь...!

– Не останавливайся, парень, следуй за мной, я знаю, как укрощать взрослых драконов!

Арринтур стоял, хлопая глазами, потом побежал вслед за удаляющимся стариком.

Они уже были у ручья недалеко от логова, когда появился дракон, изрыгая пламя и злобно шипя. Он со всей скоростью полетел на них, и вот уже почти был рядом, когда внезапно остановился с распростертыми крыльями, словно налетел на невидимое препятствие. Он бил крыльями, завывал, пытаясь добраться до них, но какая-то невидимая сила сдерживала его, не позволяя подобраться к ним.

Жрец хладнокровно наблюдал за беснующимся и летающим вокруг них драконом. Потом поднял руку с диском в ладони и прокричал:

– Твои птенцы у меня и запрятаны в укромном месте. Я верну их тебе при одном условии! Ты перенесешь нас к окну междумирья!

Дракон еще больше рассвирепел. Его красные глазки засверкали злобным огнем, и он стал носиться возле них, полыхая огнем и завывая, все быстрее и быстрее. Он кружил вокруг, казалось, бесконечно. Арринтур дрожал от страха, проклиная в душе свою страсть к птичьим яйцам. Вой дракона перешел в рычание, от которого волосы вставали дыбом, и закладывало уши. А жрец даже не дрогнул. Он невозмутимо и хладнокровно наблюдал за яростью дракона, терпеливо выжидая, когда дракон наконец выбьется из сил и успокоится.

Так и произошло. Прошло немного времени, и дракон лежал у их ног обессиленный и присмиривший. Жрец сдвинулся со своего места и медленно приблизился к дракону.

– Ты отнесешь нас к окну, и я скажу тебе, где находятся твои детеныши!

Дракон покорно склонил голову, словно приглашая взобраться на него. Жрец кивнул Арринтуру, указывая на могучую шею дракона, покрытую ороговевшими пластинами изумрудного цвета и разделенную толстым гребнем. Арринтур оробел. Летать на взрослом свирепом драконе ему расхотелось.

– Ну же, давай, – подтолкнул его жрец, – лезь первый, я за тобой.

Все еще дрожа от волнения и страха, Арринтур с опаской приблизился к дракону и очень осторожно стал карабкаться ему на шею между головой и крыльями. Дракон неожиданно всхрипнул, и Арринтур чуть не полетел вниз, но следивший за ним жрец, подхватил его и не дал упасть. Затем взобрался сам и пристроился сзади мальчика.

Дракон был горячим и уставшим. После того, как похитители взобрались на него, он апатично полежал некоторое время, затем поднял голову, поднялся на ноги, расправил крылья и взлетел. Арринтур почувствовал, что душа вот-вот покинет его, и крепко зажмурился. Потом душа, передумав, вернулась на место, и он осмелился открыть глаза. Зрелище, открывшееся ему, заставило позабыть о пережитом страхе и волнениях, наполнило душу ликованием и восхищением. Лес, долина, и овраги стремительно уменьшались в размерах, а облака, наоборот, увеличивались и становились ближе.

– Я лечу! Я лечу! – закричал он восторженно.

Сидеть на гребне дракона было неудобно, из-за гладких пластин тело его съезжало и норовило выпасть, но жрец, устроившийся сзади, держал цепко и не позволял скользить. Но Арринтур почти не замечал этого неудобства. Сердце его замирало от восторга и открывшейся красоты с высоты полета.

– Э-гей! Я лечу!

Дракон набирал высоту, без устали махая крыльями, словно и не нес на себе никакой груз, и вскоре темно-зеленый треугольник леса стал с трудом различаться внизу, а потом и вовсе исчез. Они летели сквозь облака, и Арринтур с удивлением обнаружил, что наставник был прав, когда объяснял, что облака состоят из мельчайших капелек воды, а не ваты, как он предполагал. Здесь, на высоте, ветер усилился, и стало очень холодно. Они уже летели продолжительное время, и у Арринтура зуб на зуб не попадал от все более усиливающегося холодного ветра, который грозил сорвать их со спины дракона.

Мальчик окончательно закоченел, когда дракон стал снижаться, и внизу проступила незнакомая местность. Это было какое-то поселение, судя по множеству квадратиков черепичных крыш. Но дракон и не думал приземляться в этом поселении, он полетел дальше. Арринтур заерзал в цепких объятиях жреца, который за все время полета не вымолвил ни слова.

Дракон под ними начал поворачивать и делать круг, словно что-то высматривая внизу. Они кружили над скалой причудливой формы, которая одиноко возвышалась на пустынной местности без всякой растительности.

Дракон, судя по всему, нашел свой ориентир и стал снижаться недалеко от скалы. Он коснулся земли задними конечностями, отчего его наездники подскочили на своих местах, и опять жрец удержал Арринтура от падения.

Арринтур одеревеневшими ногами последовал за жрецом, который уверенно зашагал к скале. Дракон сзади взвыл. Жрец, не обращая ни малейшего внимания на этот звук, взял Арринтура за руку и ускорил шаг. Воздух перед ними заколыхался, словно повеяло бесшумным ветром, и очертания окружающего мира стали какими-то расплывчатыми и размытыми.

Дракон взвыл еще громче, и на этот раз в его крике было столько боли и отчаяния, что Арринтур невольно оглянулся и остановился, как вкопанный, увидев жалкий и несчастный вид дракона. Дракон, положив морду на землю, скулил, как раненный зверь.

Жрец дернул Арринтура за руку и поволок за собой в неожиданно сгустившийся туман. Они шагнули в него и очутились на мгновение в пространстве без звука, формы и цвета. Затем какая-то пелена опустилась на глаза Арринтура, и последнее, что он услышал, был жалобный жуткий вой.

2

– Алик! Алик! – звал кто-то настойчиво. – Вставай, шеф вызывает!

Он с трудом разлепил глаза и увидел над собой тревожное лицо Генки. А, черт! Опять проспал! Сколько раз клялся себе не засиживаться допоздна, и все-таки постоянно нарушает свою же клятву.

Десять лет прошло с тех пор, как они со жрецом вошли в этот заброшенный мир на окраине вселенной, где обитатели даже не подозревали о других мирах. Жители этого мира носили странные одежды, передвигались на механических повозках, жили скученно в высоких каменных домах, в тесных, как клетки, помещениях, а по небу вместо драконов летали самолеты.

Жрец легко приноровился к образу жизни нового мира и чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Свой универсальный плащ он сменил на элегантный костюм, приобрел механическую повозку. Выяснив, что ценным средством в этом мире являются маленькие разрисованные бумажки с разными знаками и символами, он легко добыл их при помощи своего магического диска. Однако медь здесь не ценилась совсем, поскольку наука этого мира еще не открыла ценные свойства меди.

Арринтур долго привыкал к новой жизни. И хотя к наставнику Иллиуму он не питал особо теплых чувств, часто вспоминал его, вздыхал и порой жалел о своем поступке. Он еще тогда догадался, что жрец, а ныне шеф, заманил его в западню, а после того, что он увидел с помощью медного диска, ему и вовсе не было дороги назад. Много лет назад, когда он стал упрашивать жреца вернуться в их мир, тот не говоря ни слова, достал из сейфа медный диск, подкрутил его и показал, что произошло в том мире после их бегства. Обезумевший дракон метался в поисках своих детенышей по всей долине, а потом спалил весь лес вместе с домом, в котором жил Иллиум. Но и после этого не успокоился, сжег все дома в тихой долине и их обитателей, растерзал домашних коз, что паслись недалеко от леса.

– Алик, ну ты идешь? – Гена опять возник в дверях.

Алик – теперь его новое имя. Жрец, шеф, снискал в этом мире большую власть и уважение. Вон как трясется этот добрый малый Генка. Алик является правой и незаменимой рукой шефа, должен находиться при нем неотлучно и выполнять разные поручения.

– Да, Ген, я готов уже.

Он застегнул куртку и огляделся, не забыл ли чего. Взгляд его уперся в зеркало, где на него глядело собственное отражение – широкоплечий атлет с золотисто-русыми волосами, серые глаза под длинными, почти белыми ресницами сохранили детскую невинность и свежесть.

Шеф встретил Алика суровым выражением лица, когда тот появился в его кабинете. Он кивком отпустил Гену и указал ему на кресло. Когда Алик уселся, он стал разглядывать его, отбивая пальцами дробь по крышке стола. Смуглый, худощавый, с ослепительно блестящей лысиной на голове, живой и энергичный. Никто бы и не дал ему его три сотни с чем-то лет, тем более в этом мире, где жизнь у обитателей такая короткая.

– Я для чего твой дар раскрыл? Чтобы ты отлеживался, как бревно? Не найди я тогда тебя, ты до сих пор прозябал бы в том лесу вместе с сумасшедшим стариком!

Алик поморщился от воспоминания о том, как был раскрыт его дар. Шеф тогда так шандалнул по его мозгам электрической шутовщиной! До сих пор шрам на затылке остался. А ведь он был совсем еще ребенком. Он предпочел бы и дальше оставаться в неведении, чем такой ценой обрести дар. Во всяком случае, лично Алику он не приносил никакой радости. И этот мир не доставлял особого удовольствия. Земляне похожи на заведенные механизмы, очень невежественны и примитивны, вечно куда-то спешат, суетятся, подозрительны и недоверчивы. Старик решил основать здесь свою империю, возродить былое могущество своей расы. А Алику некуда деваться. Кроме этого жреца, у него никого нет. В общем-то, он неплохой старик, любит его по своему, хотя и старается не показывать этого.

– Что ты молчишь?

– Виноват, Шеф, проспал.

– Сегодня проведем сеанс, как планировали, но об этом чуть позже. Ну, а сейчас ты должен поехать в одно место. Гену с собой возьми и Гарри. Проследите до конца, чтобы груз был полностью уничтожен.

– Хорошо.

Шеф присмотрелся к нему.

– Какой-то ты вялый сегодня. А впрочем, как обычно. Ну, не буду задерживать. Можешь идти.

Алик поднялся и направился к двери, шеф проводил взглядом его рослую фигуру. Это было его лучшее приобретение за последние десятилетия. План был близок к осуществлению. Обитатели этого мира, земли, легко управляемы, и скоро с помощью дара этого мальчика он возродит здесь свою утраченную империю. Лучшего места для осуществления столь долго

вынашиваемого плана и не найти: подкуп, шантаж, провокации действуют в этом мире алчных и жадных людей безотказно.

Гарик мчал их на автомобиле, будто участвовал в гонках Формулы-1, легко подрезая замешкавшихся участников дорожного движения и проскакивая за последние мгновения разрешающего света светофора. Вскоре они оказались у состава, груженного контейнерами и сопровождаемого людьми, охранявших груз. Множество техники: грузовые автомобили, краны и автокары. Следовало весь этот продовольственный груз вывезти за город и уничтожить. Как в прошлый раз. Минимум на три дня работы. Множество голодных горожан уже в курсе новостей насчет уничтожения груза и поэтому околачиваются здесь в надежде урвать что-нибудь. Такие настойчивые попрошайки! Не отстреливать же их, в конце концов. Рутинная работа. До чертиков скучный мир. Сплошные интриги, конкуренция, конфликты и заявления.

В последнее время хандра стала невыносимо давить на него. Приступы необъяснимой тоски накатывались на него волнами в самый неподходящий момент. Шеф постоянно твердил об их новой империи, Алику же это было все равно. Ему не было никакого дела до этой империи. Он чувствовал свою безнадежную неуместность в этом чуждом для него мире, к которому так и не смог привыкнуть за долгие годы. И друзей у него не было, с которыми его объединяло бы общее прошлое. В самом деле, о чем можно говорить с теми, кто и мысли не допускает о существовании других миров и других людей? К нему лично они относились с опаской и уважением, взирая на его внушительный рост и бесстрастное выражение лица, от которого неизвестно, чего ожидать.

Как он и предполагал, выгрузка продолжалась дотемна, пока его не вызвал к себе шеф. Когда он уселся в машину, Гарик завел двигатель и скороговоркой произнес:

– Завтра собираемся в клубе. Я новых девок пригласил. Будешь?

– Да мне какая разница, я-то их все равно друг от дружки не отличаю.

Гарик, оторвав взгляд от дороги, окинул его озадаченным взглядом.

– Странный ты.

– Да слышал уже.

– Может, ты типа того, дальтоник?

– Может быть.

– Ну, хоть темненьких от беленьких отличить сможешь?

– А какой прок? Они же постоянно превращаются из темненьких в беленькие и наоборот. Да ты не переживай за меня, – улыбнулся Алик, посмотрев на кислое лицо Гарика.

Гарик доставил его в резиденцию шефа за считанные минуты.

В приемной его поприветствовала фальшивой белоснежной улыбкой секретарша шефа, очередная раскрашенная какая-то там модель или мисс, и торопливо открыла перед ним дверь.

Шеф лоснился от удовольствия, вдыхая запах сигары, которую бережно держал в своих руках. Но при появлении Алика, он отложил сигару в сторону, подвинул к себе папку и неторопливо вытащил из нее несколько пронумерованных снимков.

– Вот, здесь все, что тебе нужно для работы. Можешь приступать прямо сейчас.

Алик взял протянутые снимки, потасовал их, рассматривая. Ничего нового, кисло усмехнулся он про себя.

– Ты поел? – заботливо осведомился шеф.

– Нет еще.

– Сходи, поешь. Отдохни, и сразу же приступай. Меня интересует промежуток в три года.

– Хорошо.

Алик замялся.

Шеф удивленно посмотрел на него.

– Ну? Что у тебя?

– Я давно хотел спросить... ты всегда интересуешься краткосрочным будущим, а дальше заглянуть тебе не хотелось?

– Ах, вот ты о чем? – усмехнулся шеф. – Нет, не хотелось. Я его сам создаю, от момента до момента. Прежде, чем сделать ход, я анализирую ситуацию при помощи тебя, мой мальчик. Я закладываю в тебя, как в компьютер, информацию, ты загружаешься, настраиваешься на определенный срок и выдаешь результат. Я смотрю на этот результат, и если он меня устраивает, я приступаю к сотворению будущего. Зачем заглядывать дальше? Ради праздного любопытства? Это не моя слабость.

– Ясно, шеф.

Когда он вышел, увидел в приемной напротив двери пожилую женщину: собранные на затылке волосы с проседью, усталое измозженное лицо, мешковатый растянутый свитер, темные поношенные штаны. При его появлении она привстала со своего места и обратила на него долгий странный взгляд. Наверное, какая-нибудь вдова или нуждающаяся, подумал он. Женщина неотрывно смотрела на него, он еще раз оглянулся на нее, в недоумении пожал плечами и вышел, сопровождаемый секретаршей с ее расспросами о всякой чепухе.

Женщина, воспользовавшись отлучкой секретарши, прошмыгнула в кабинет шефа. Шеф, задвинув ящик с папками, раскуривал сигару.

– Чего вам? Вам назначали? – начал он низким голосом и осекся.

Женщина стояла перед ним и рассматривала его. Взгляд шефа выразил озабоченность, но вскоре короткое замешательство уступило место неприступному выражению лица.

– Нашла меня все-таки! Можно только позавидовать твоему упорству. Я думал, ты давно мертва.

– Можешь не мечтать об этом. Мысли о тебе не дали мне умереть и помогли пройти через множество миров. Злодейство должно быть остановлено, и поэтому Всетворящий позволил мне найти тебя.

– Забавно, забавно! – ухмылка шефа стала еще шире, отчего резче проступили морщины на его смуглом лице. – Я, значит, зло, а ты свет, посланный Всетворящим. Только этот свет когда-то уже омрачался. Забыла? – он метнул на женщину острый взгляд.

– Я ничего не забыла. Только это и придавало мне сил и смысла для существования после того, что произошло по твоей вине. Я не отрицаю своей вины, и я сполна заплатила за свои ошибки, которые совершила, поддавшись твоей лжи.

– Да, брось, ты отлично знала, что я мастер лжи. Ты поверила только потому, что хотела поверить. Ты и теперь ждешь от меня утешения и оправдания своим ошибкам и глупости.

– А ты просто воспользовался ситуацией, моей слабостью, моей неопытностью и любовью. Ты обещал мне помочь воссоединиться с Яремом, убедил совершить побег из родительского дома в то время, когда знал, что наш союз с Яремом лишь дело времени. Ты прекрасно знал, к чему приведет такой поступок, ты сумел подлить большое количество масла в тлеющий огонь между нашими семьями. В итоге, я все потеряла. Я хотела умереть, молила об этом Всетворящего. Но он сохранил мне жизнь. И я пришла к выводу: только положив конец злодеяниям, которые ты распространяешь по всем мирам, я искуплю свою вину.

– Мне одно любопытно, Зельда, каким же образом ты собираешься меня остановить? Для таких заявлений ты теперь далеко не та юная и неопытная особа.

Зельда пристально взглянула на него.

– Я не знаю этого. Но раз уж каким-то образом я настигла тебя, то и остановить смогу.

Шеф оперся руками о стол и медленно поднялся.

– Я терпеливо выслушал тебя и даже немного позабавился. Теперь послушай и ты меня, и со всей внимательностью. Ты знаешь меня и на что я способен. Предупреждаю по старой дружбе, чего ни в коем случае не стал бы делать с другими, так вот, – не вздумай вставать на моем пути!

В его холодном голосе не было ни угрозы, ни неприязни, и тем весомее были слова этого старика, сказанные со всей беспристрастностью.

Не выдержав его пронзающий взгляд, Зельда отвернулась и всхлипнула. Плечи ее еще больше ссутулились, и она медленно направилась к выходу.

Оказавшись у себя в кабинете, Алик развесил снимки на доске с подсветкой, заказанной специально для его работы. Это были те же снимки, что и в прошлый раз за исключением новых двух. На одном снимке был незнакомый бородатый мужчина с указанным внизу фотографии именем, на другом – изображение здания головного офиса концерна GNP. Все снимки, вернее, то, что изображено на снимках, – это факторы, комбинация которых должна привести к тому или иному результату. Прошлый результат шефа не устроил, поэтому он добавил этого мужика, а компанию «Eastwind» заменил на GNP.

Алик подкатил кресло к стене, уселся в нем и привычно погрузился в созерцании доски со снимками и надписями. Постепенно перед ним появилась расплывчатая картинка, которая стала обрастать деталями, и по мере того, как он всматривался в нее, становилась все четче и осязаемей. Сразу же бросился в глаза мужик с новой фотографии. Он сидел напротив сутулого человека и выглядел очень расстроенным. Сутулый, выложив какие-то бумаги перед ним, о чем-то убедительно и неторопливо говорил. Следующая картинка показала того же сутулого человека, лежащего в луже крови. Картинка сменилась на другую, где толпа скандировала какое-то имя, повсюду были лозунги и транспаранты, а человек с бородой стоял на трибуне с поднятой в приветствии рукой, а позади него висел огромный рекламный щит концерна GNP.

Видения закончились, и Алик быстро застрочил по блокноту, стараясь не упустить ни одной мелочи.

Наутро Алик с удивлением обнаружил в своем доме незнакомую девушку в нелепой шапочке и в широком халате, балахоном свисавшим с нее.

– А где Галина? – обратился к ней Алик, налив себе из кофеварки кофе и прихлебывая его на ходу.

– Галина заболела, а я вместо нее.

Лицо девушки было каким-то растерянным и беспомощным.

– А ты чего такая смурная? Впервые уборкой занимаешься?

– Да... Нет... Просто так неожиданно пришлось выйти на эту работу.

– Да ты не волнуйся, у нас тут все просто, быстро разберешься, что к чему. В кладовке все хозяйственные вещи, особой грязи здесь нет. Просто делай, как Галина. Она, наверное, все объяснила тебе. А кстати, как тебя зовут?

– Роза, – тихо ответила девушка.

– Роза! Красивое имя, никогда не встречал, – соврал он. – Меня Алик зовут.

– Да, знаю.

Что-то было в ней, вызывающее интерес, какая-то природная естественность, что тянуло болтать и болтать, хотя бы ни о чем. Что до красоты, ее не так-то просто было разглядеть под этой дурацкой вязаной шапочкой, из-под которой выбивалась русая прядь. Только взгляд

бездонных серо-голубых глаз наводил на мысль о том, что в их глубине находится достаточно всего. Он даже не заметил, что опустошил кофейную чашку и совсем забыл про время.

– Ты, наверное, приезжая?

Странная тень прошла по лицу девушки, и она кивнула головой.

– Ясно, значит, недавно здесь.

Девушка опять кивнула.

Трель телефонного звонка прервала их разговор.

– А, черт! Опять опаздываю!

Он сунул чашку в руки Розе и поспешил на выход, на бегу торопливо отвечая в трубку:

– Да иду я, иду! Вышел уже!

Прежде, как обычно, заехал к шефу, выслушал его очередные нравоучения и назидания о том, что нужно проявлять бдительность и осмотрительность, а также упорство и настойчивость, чтобы воссоздать новую империю. Гена преданно и восторженно внимал каждому слову шефа. Шеф применял в своих действиях жесткие и беспроязвительные, при помощи дара Алика, методы, чем вызывал большую популярность и уважение в своем окружении. Его сила и влияние увеличивались с каждым днем. По одному только слову ребята без раздумий выполняли самые грязные поручения шефа. Наверное, тем самым, они чувствовали и себя частью могущественной силы.

От шефа они поехали на место выгрузки вагонов, и весь день прошел в наблюдении за выгрузкой и уничтожением содержимого контейнеров. В самый разгар работ Алик почему-то вспомнил про новую домработницу, мысль о ней подняла настроение, развеяла его всегдашнюю тоску от надоевших рутинных обязанностей. Он отыскал Гену, который увлеченно наблюдал за полыхающим огнем над огромной кучей ящиков.

– Слушай, Ген, новую домработницу ты нанимал?

Гена оторвался от созерцания и непонимающе уставился на него. Затем лицо прояснилось.

– Да нет, она временно, Галина позвонила и попросила на время вместо себя девушку взять. А что? Не пришла что ли?

– Пришла. Интересная девушка.

– А, вот ты о чем! Девушка, как девушка! – пожал плечами Гена. – Приезжие все такие. Деревенская... Хотя... – он задумался, – не похожа она на деревенскую, скорее на пришибленную. А ты что, замутить с ней решил?

В его голосе прозвучали игривые нотки.

– Замутить? – удивился Алик. – Мне не приходило это в голову.

Генкин взгляд сразу стал скучным.

– А-а, я и забыл, ты же у нас странный. Она, между прочим, тоже странная. Как раз и пара будет, – усмехнулся он.

– Не понял? – повернулся Алик.

– Да ничего, я так, пошутить хотел. Не прошла шутка, извини.

Вечером они с отчетом вернулись к шефу. А потом Алик поехал к себе домой. Дома он не обнаружил той идеальной чистоты, которая обычно была при Галине. Роза, похоже, плохо разбиралась в уборке дома. В раздевалке он нашел ее халат и шлепанцы. Значит, завтра тоже будет здесь.

Утром он проснулся от странного шума пылесоса. Натянув тренировочные штаны, он спустился и обнаружил Розу, которая воевала с пылесосом.

– Ты что делаешь?

Она вздрогнула и покраснела.

– Ты что, пылесос никогда не видела?

– Здравствуйте, – выдавила девушка, – у нас дома не было пылесосов.

Ее растерянность начала действовать на нервы. Он взял из ее руки ручку пылесоса.

– Вот, смотри, нажимаешь эту кнопочку, и водишь щеткой по полу, вот таак, потом опять нажимаешь, и пылесос отключается. Поняла?

Роза кивнула. Прозвенел дверной звонок, он передал ей пылесос и пошел открывать Генке.

– А я сегодня пораньше за тобой заехал, – объяснил Гена свой ранний визит. – Чтобы шефа не сердить. Ты еще не завтракал?

Не дожидаясь ответа, он прошел на кухню и задержал взгляд на Розе, с интересом разглядывая ее.

– Давай, переодевайся, а я кофе приготовлю.

Помешивая сахар ложечкой, он развязно направился к Розе.

– Значит, это тебя Галина прислала вместо себя?

– Да. – Роза не решалась включать пылесос в присутствии Гены.

– Откуда приехала? Из какой деревни?

Роза замешкалась с ответом.

– Ты что, забыла? – развеселился Гена.

Роза серьезно кивнула.

– Ты в школе хоть училась? – насмешливо спросил Гена.

Девушка неожиданно нахмурилась и отчетливо произнесла:

– То, что человек отличается от вас, еще не является поводом оскорблять его.

В дверях появился Алик, с интересом рассматривая их обоих.

– А новая домработница-то, зубастенькая! – весело подмигнул Гена. – Особо не зарывайся, детка, это я тебя нанимал!

Его голос внезапно зазвучал с напускной строгостью, и он сурово посмотрел на Розу.

– Что здесь случилось? – Алик торопливо допивал свой кофе.

– Да ничего, спросил, училась ли она в школе, а она разозлилась.

Алик повернулся к Розе.

– Не обращай на него внимания, это была шутка, можешь приниматься за уборку, если хочешь.

Затем похлопал Гену по плечу: – Ну, пошли, друг, не будем шефа сердить.

Разгрузка подходила к концу, бушующий огонь уничтожал остатки продуктов, а ветер подхватывал пепел от сгоревших коробок, поднимал высоко в небо и разносил по всей округе. Алик рассеянно наблюдал за работой грузчиков и пытался разобраться в себе, почему его мысли, кружа и цепляясь за обрывки образов, постоянно возвращаются к этой девушке Розе. Что в ней было особенного? Чем она отличалась от других? Такую же растерянность, как у нее, он наблюдал и у многих приезжих девушек, с которыми изредка приходилось сталкиваться по жизни. Но их растерянность обычно сопровождалась суетливостью, рвением и беспокойством по поводу того, чтобы вписаться в городскую жизнь и найти свое место в ней. Роза была такой же потерянной и отрешенной, как и он сам, когда впервые очутился здесь и был подавлен чувством того, что навсегда отрезан путь назад, домой. С годами тоска по дому стала приглушаться, мир забываться, как приснившийся однажды чудесный сон, но временами тоска прорывалась через заваленный многими вещами слой на душе, а в последнее время стала все чаще напоминать о себе. И вот, когда он думал о Розе, вспоминал ее растерянное выражение лица, он не чувствовал себя, как прежде, таким одиноким в этом мире. Определенно в его жизни появился какой-то новый фактор, заставляющий чувствовать себя совсем по-другому, чем он привык. Давно забытый интерес к жизни и радость зашевелились в его душе, словно первый нежный росток, хрупко пробивающийся сквозь весеннюю почву, а на губах появилась беспричинная улыбка.

Впервые он оставил порученное ему шефом дело без личного присмотра, поставил Генку в известность и поехал домой, взяв такси. Он не может потерять эту девушку. Не сегодня, так завтра Галина может вернуться, и тогда он потеряет ее и опять останется один на один со своей тоской.

Открыв дверь, он с облегчением услышал шум пылесоса. Он стремительно вошел в гостиную и увидел Галину, привычно занятую уборкой и водящую щеткой пылесоса по толстому ковру. Сердце ухнуло куда-то вниз и разом оборвалось.

– Здравствуй, Алик, – Галина подняла голову и отключила пылесос.

– А где Роза?

– Ушла домой. Надеюсь, пока меня не было, она справлялась со своими обязанностями, – то ли утвердительно, то ли вопросительно проговорила Галина.

Алик сел, просто подавленный разочарованием.

– А она вернется?

– Нуу... – удивленно протянула Галина. – Даже не знаю.

– Откуда эта девушка?

Галина вдруг заторопилась и стала складывать пылесос.

– Из какой-то деревни. Точно не знаю. Мне ее посоветовала одна моя знакомая, я с ней поговорила... А что? Что-нибудь не так?

– Да нормально все, Галина, не беспокойся. У тебя есть ее телефон?

Галина задумчиво уставилась на него.

– Ну? Так как? – с растущим беспокойством переспросил Алик.

Галина очнулась.

– Да, конечно, есть.

Она сунула руку в карман своего передника, достала телефон, с другого кармана вынула очки, водрузила их на нос и отыскиала номер.

– Вот, – протянула она телефон Алику.

Алик торопливо сохранил номер на своем телефоне. Напряжение отпустило, он расслабился и повеселел.

– Рад, что ты вернулась, Галина!

Галина вздохнула и выкатила пылесос.

Шефу не понравилось внезапное исчезновение Алика, о котором он узнал со слов Гены. И его отключенный телефон тоже не сулил ничего хорошего. Гена так и не дал внятного ответа на вопрос, почему Алик отлучился столь внезапно.

– Немедленно поезжай и найди его мне, – коротко распорядился шеф.

Гена, безуспешно объездив все известные ему места, где мог встретить Алика, уже уныло рисовал в своем воображении разгневанного шефа. По дороге домой он заскочил купить воды в какую-то забегаловку и к своему безмерному облегчению увидел Алика. Алик сидел за столиком с двумя женщинами, в одной из которых Гена сразу же узнал Розу. Подавив в себе первое побуждение кинуться к Алику, он решил сначала позвонить шефу и обрисовать ситуацию. Шеф почему-то заинтересовался, когда Гена описал женщин и потребовал не упускать их из виду до его приезда. Брови Гены удивленно взметнулись вверх: шеф приедет лично? Чтобы не попадаться на глаза Алику и не вызвать ненужных расспросов, он решил следить за этой тройкой снаружи из машины.

Алик был удивлен, во-первых, когда Роза дала быстрое согласие на встречу с ним, во-вторых, когда, придя на встречу, застал ее с какой-то женщиной, и, в-третьих, когда оказалось, что видел эту женщину раньше, в предбаннике шефа.

Женщины приветливо улыбнулись на его появление, хотя и несколько напряженно. Развод – пронеслась в голове неприятная мысль, обычный развод. Он разочарованно приготовился выслушать очередную душераздирающую историю с кучей трагических фактов. Женщина протянула ему маленькую сухую ладонь и представилась:

– Зельда.

Понятное дело, ему и представляться не нужно, небось, все сведения о нем собрали. Ну, от Розы-то он не ожидал такого! Роза без шапочки выглядела гораздо симпатичней, хотя серо-голубые глаза и глядели строго. Она сидела прямо с непроницаемым лицом и не очень смахивала на мошенницу. Хотя, кто их разберет. Может, это такая уловка. Зельда разглядывала его, словно решая, с какого места начать свою историю и в каком виде ее преподнести.

– Алик, – начала она, – хорошее имя. Но прежнее было лучше.

Она замолчала и посмотрела на него. Алик с интересом ждал продолжения.

– Какое же? – наконец спросил он.

– Арринтур.

Алик вздрогнул. Никто, ни один человек в этом мире не знал его настоящего имени, кроме шефа. Да и сам он забыл про него, и вот услышать через много лет свое имя из уст незнакомого человека – это было просто невероятно!

– Я буду звать тебя настоящим именем, хорошо? – мягко произнесла женщина, а Роза смотрела на него с напряженным лицом.

Что, черт подери, происходит? Что за спектакль собираются играть перед ним эти женщины?

– Допустим, – произнес он грубовато. – Что дальше?

– Я же тебе говорила, – неожиданно заговорила Роза, обращаясь к Зельде. – Это бесполезно, давай уйдем отсюда!

– Роза, Роза, – покачала головой женщина, – спокойней, мы даже еще не начинали.

Роза кинула быстрый взгляд на Алика и скрестила руки на груди.

Так-так-так, подумал Алик, все интересней и интересней.

– Арринтур, – опять начала женщина, – мы знаем, что ты не из этого мира.

Опа, вот это поворот! Что же будет дальше?

– Хочу рассказать тебе одну историю из своей жизни.

Давай, тетка, давай, давно уже дожидаюсь!

Женщина с какой-то обреченностью вздохнула и продолжила:

– Я росла в удивительном мире, где не было ни горя, ни бед, ни забот. Жизнь щедро одаривала радостью и наслаждением всех без исключения, никто не был обделен. Я относилась к одному из семейств, кто правил тем миром, и мне судьбой было назначено встать в свое время в ряды управителей. И хотя между некоторыми семействами существовали разногласия в методах правления, в общем, жизнь обитателей протекала безоблачно и безмятежно. Обитатели многих других миров почитали за честь посетить наш мир, а чтобы поселиться в нем, нужно было обладать высокими достоинствами. Детство мое протекало так же безмятежно и радостно в ожидании инициации, после которого я бы смогла приступить к обучению в школе управителей. В школе я подружилась с юношей из одного очень почитаемого семейства... его звали Ярем...

Женщина замолчала и, протянув руку к стакану с напитком, быстро отпила из него. На глазах у нее выступили слезы, она прокашлялась и продолжила.

– Вот так мы и выросли с Яремом неразлучной парой в то время, когда разногласия между нашими семействами то обострялись, то затихали. Мы полюбили и не представляли жизнь друг без друга. Наше обучение не могло продолжаться вечно, и мы строили планы совместного будущего. И надо же было случиться такому несчастью, что эти планы стали известны в тот момент, когда страсти между нашими семействами по какой-то совсем пустячной причине накалились, и нам запретили даже упоминать о наших отношениях. Мы были в отчаянии, молоды и глупы. Один человек надоумил меня совершить тайный обряд скрепления уз. Только потом я узнала, что человек этот был недобрым и вынашивал коварные планы стравить наши семейства. Ну, а мы, никогда в своей жизни не сталкивавшиеся с ложью, безоговорочно поверили ему. И от него же наши семейства узнали о нашем готовящемся тайном воссоединении вопреки запрету. Мы бежали, я повела себя неосторожно, из-за чего на Ярема ополчилось все мое семейство.

Скандал разгорелся и вырос до всеобщего конфликта, в который оказались втянуты все династии и семейства. Впоследствии конфликт обострился до такой степени, что впервые было совершено уничтожение жизни, это повлекло за собой череду роковых событий, и началась

мировая война. Давно была забыта причина конфликта, оставлены попытки выяснить, кто прав, а кто виноват, все силы были направлены на взаимоуничтожение. Все представители династий были истреблены, мир разрушен, и теперь на месте этого мира одна лишь выжженная пустыня. По какой-то невероятной причине я спаслась. Я готовилась к смерти среди горящих руин и отравленного воздуха, когда услышала детский плач. Я нашла под обломками стен перепуганную дрожащую девочку и не могла позволить ей умереть. Мы выбрались из того мира, у меня было достаточно знаний, чтобы найти безопасное окно междумирья. Розелинн... Роза – из Астерхума. Так же, как и ты.

Смесь изумления, неверия и недоумения на лице Алика переросла в крайнюю озадаченность. На протяжении рассказа этой женщины внутренний скептик в нем превратился в паникера. Роза, сосредоточенно слушавшая рассказ Зельды, подняла на него взгляд, полный затаенной надежды. Ее взгляд лазерным лучом проник в самое сердце и зародил какую-то безумную эйфорию и безумную догадку.

– Скажи, Зельда, – обратился он к женщине, в глубине души лелея получить подтверждение своей догадке, – вы как-то проникли сюда, как вам это удалось? И как ты нашла меня?

Он переводил взгляд с одной женщины на другую.

Женщина печально улыбнулась.

– Я искала не тебя. Я искала виновника своих бед и похитителя семейной реликвии. При первом же взгляде на тебя я узнала в тебе представителя династии Астератов. Не знаю, каким способом он сумел завлечь тебя на свою сторону и сделать преданным помощником. Но подозреваю, сколько лжи он успел тебе скормить.

– Шеф?

– Жрец, – твердо ответила женщина.

– Нуу, – протянул Алик, – я, конечно, не в восторге от его методов, но не такой уж он монстр, каким ты хочешь его изобразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.